

Анцар

Жолымбетов

АБАЙ. ВРЕМЕНА ГОДА

Вольные переводы с казахского

ВЕСНА

Весна. Ушли в небытие метели, стужи,
 Как драгоценный шелк среди зеленых кружев,
 Зеленые раскинулись поля. Очнулись люди, звери.
 Звенят ручьи, смеется солнце в небесах, смеется в лужах.

Гуляет молодежь, повсюду игры, развлечения.
 Все расцвело, все полно щебета и пенья.
 Как будто заново родились старики, старухи,
 Их лики светятся, манеры полны обхожденья.

В извечном споре, кто сильней,
 Аулы, горный и низинный, затеяли борьбу, пускают вскачь коней.
 Кругом веселье, шутки, братские объятья,
 И пыль из-под копыт, и гул восторженных речей.

Ревет верблюдица, полны лужайки бляющих овец,
 Расщебетался в ивняке, как будто бы хмельной,
 чуть оперившийся птенец.
 Бурлит речушка под горой, порхают бабочки.
 О дни блаженные – дождались, наконец!

Кричащих уток, аистов, гусей полны озера, поймы рек, береговые камыши,
 Куда с восторгом в поисках яиц ныряют малыши.

Летит в аул смельчак на резвом скакуне,
 В руках ружье, под лукою седла в тороках дичь, добытая в глуши.
 К родному кереге привяжет связку он одну, чтоб подивились мать, соседи, родичи,
 К ногам возлюбленной другую сложит от души.

В цвету боярышник, сияют маки огоньками, васильки,
 Но всех цветов прекрасней девушки, улыбки их и глаз счастливых огоньки.
 В распадке, в рощице зальется сладко соловей,
 Далекой выпи с гор раздастся крик, кукушка загрустит, заладят кулики.

Купцы приехали, торговля бойкая идет,
 Кто примеряет украшения, кто рот раскрыл от удивления,
 кто ищет что-нибудь из утвари – шумит, стекается народ.
 Там землю пашут, сеют хлеб, тут блеет молодежь.
 Доволен люд: забыты холод, голод; радостно, тепло, плодится скот.

Прекрасен, чуден мир твой, о Аллах. С лучами солнечными милость твоя льется,
 Волнуется с листвою, далекой песнею летит, тропинкой в поле вьется.
 Земля-кормилица нежна, как мать, – благословенны молоко ее, дитя,
 прильнувшее к груди,
 Как любящий отец, объяло небо их, им в чувствах признается.

Вдохнул Творец от духа Своего, и все живет, все множится – то буйное, то чуть дыша,
 И в умиленье ниц склоняется душа,
 Еще вчера едва ль не мертвая:
 О жизнь, как дивна ты, как хороша!

Запели девушки. Красуются джигиты-удальцы, щедры на ласку и подарки,
 своих коней показывают стать.

Лишь хмурит бровь какой-нибудь скупец, зажав кошель,
 да нету лежебок, предпочитающих поспать.
 Поднимешь голову: о мой Аллах! Непостижимо дело рук Твоих –
 Бег облаков, твердыни горных кряжей, степь, синеющая далями, –
 ни краю ей и ни конца, – быть может, небо то?.. Ей-ей, слезы не удержать!

За юртой на лужку прилег почтенный старец косточки погреть,
 А рядом внуки, правнуки – ну кувыркаться, ну шуметь,
 лишь щечки разгораятся, как медь.

Из глубины небесной трели льются.
 Вот вечереет. Гонят скот. Погонщика свистает плеть.

Приходит ночь. Неисчислимы звезды по весне –
 Плывут, дрожат, перекликаются. Пылает круг луны, но не уступят и луне
 Ни силою огня, ни волшебством...
 Но лишь означится рассвет – и тихо гаснут в вышине.

Взошла заря – алеют горные вершины, степь красна,
 как будто розами усыпана она,
 Земля проснулась, солнца ждет, как ждет супруга верная жена,
 И вот оно – встает, горит, все пламенем объято!
 Бледнеет небо, прячется луна.

Гуляет ветер между небом и землей. О как могуч он и велик!
Свистит, пыхтит, перемещает горы туч, а то замрет на миг
И – вниз; бродяга из бродяг, ни дома, ни пристанища.
То бурей всё перевернет, а то уляжется у ног и ластится.
 Ни дать ни взять – мальчишка-озорник.

Будило солнце милую и зимнею порой,
Да спит земля суровою зимой,
Под пенье вьюги злой, укрытая снегами, скованная льдом,
Чтоб с милым свидеться весной.

На солнце красное и не взглянуть, не пострадав при этом,
Но всякая душа жива теплом его и светом.
Никто не знает, где ночлег его, но золотой шатер в огне закатном
Я все же разглядел однажды летом.

ЛЕТО

Июльский день. Кругом блаженство и покой,
Цветут луга, и тучны травы,
Леса манят тенистою листвою,
Шумит река у переправы,
Аул раскинулся над синею водой.
В лугах блуждает конь,
Далекий храп его доносится до слуха.
Косяк атласных кобылиц
Припал к воде, пофыркивает глухо.
Вот вскинул шею жеребец – он дик и сух;
Взлетают с шелестом хвосты, распугивая мух,
И тонконогий сосунок
Ныряет к матери под брюхо.

Гнездятся птицы в камышах; в глазах рябит:
Заполонили небо гуси, утки.

В ауле ставят юрту, труд кипит,
Смеется молодлица, сыплет шутки.
Чудесен стан ее, движенья плавны и легки,
Умелых рук мелькают локотки.

С отгонов бай торжественно спешит
В приятном настроении,
Себе и всем на удивление,
И конь под ним то пляшет, то летит.

Расселись в круг, как на майдане, старики,
Шипит кумыс по пиалам,

Беседы тут, веселье там,
 Меж рук гуляют бурдюки.
 Мальчишка-карапуз, животик гол,
 Вцепившись в материн подол,
 Мяса вареного канючит.
 В тени березки самовар
 Сияет медными боками,
 Под ним ковер расшит,
 Над ним дымок расходится клубами.
 В честном кругу меж тем пустеют бурдюки,
 Все оживленной разговор,
 Все реже смех, все чаще споры,
 Кивает кто-то головой, и снова смех, и в бок шуточные толчки.
 Бродягу-нищего невесть откуда принесло,
 Седой как лунь и в бороздах чело,
 И голос старческий уныло дребезжит,
 Желая всем добра, скоту приплода, молитвы древние твердит.
 Грозится баю нищетой,
 Коль не зовет его на той,
 И жалко просит кумыса, поклоны жалкие творит.

Лихой табунщик во поле несется,
 За ним чапан, как крылья, вьется.
 С утра седла не покидая,
 Летит, и сам куда не зная.

Коль есть ружье – добыче быть.
 В прибрежных зарослях охотник
 На ужин селезня старается добыть;
 Тут топь и гнус, тут птичий рай,
 Спугнешь – и сотней крыл затянет свет, завесит небо,
 И тут уж, братец, не зевай.

Уходит день, блажен и тёпл, садится солнце,
 И вечер юрты золотит,
 И нищий с посохом меж юрт стоит,
 Чему-то старчески смеется,
 Поклоны жалкие творит.

ОСЕНЬ

Пришли незвано холода. Как хмуры небо, лица. Мир бесцветен и убог.
 Сырой туман распадками курится. Табунщик на ветру продрог.
 Озябли, голодны, стоят как вкопанные кони;
 Не скачет, не резвится в поле поникший стригунок.

Где луг веселый зеленел, теперь – лишь голая равнина.
Где был цветник, там высохший курай над топкою трясиной
Травой мертвою шуршит. Заладили дожди, листва летит,
Переполюня грустью сердце ли, унылую ль картину.

Дрожит, в лохмотья завернулся бродяга, машущий клюкой,
Уж кто-то в шубе лисьей, кто в обносках – спешат в зимовья на постой,
Лошадок погоняют. Молодки вышли, чинят юрты.
Снежинки первые кружат. Нависли тучи темною стеной.

Курлычут в небе журавли, собрались в дальние края,
Еще чуть-чуть, и снег укутает поля.
Как будто вымерли, стоят аулы,
Не слышан смех, и в наледи земля.

Дитя от холода трясется, пока одежду отряхнут.
Несладко путнику бредется – и ждет ли где его приют!
И голод нечем утолить.
Собаки бросили людей, ушли в поля, мышкуют там и тут.

Падет туман иль ветер свищет в упоенье,
Пуста саба, казан разбит, не вьется дым ни рядом где-нибудь,
ни в отдаленьи.
Одно спасение – разжечь очаг. Все в копоты, в дыму.
Сидишь и угли ворошишь.
Порой и копоть – утешенье.

ЗИМА

Зима. Мороз. Старик-буран тяжелой тучей
Заносит степь, кружит, безжалостный, могучий.
Слепой для милосердия, глухой к мольбам,
Он снегом валит, свищет вьюгою летучей.
Где ступит, там во мгле круженья гул стоит,
Там, где дохнет, мороз поднимется трескучий.
И страшно тем, кто в юрте у огня сидит:
Жилище гнется, остов жалобно скрипит
Под ветром яростным. Буран, пришлец незванный,
Пока уйдет, ох, сколько бед он натворит!
И волка с вьюгой носит вой – протяжный, странный.
Ох, как бы к овцам не проник под кров саманный...
А это кто за стогом сена – щечки красны?
Малец! А вот еще – отцовской шапкою накрыт...
А ну-ка в дом, гей, гей! Не так уж безопасно
Резвиться тут. Да и родителей напрасно
Не стоит нынче необдуманно сердить.

Буран... Буран седой! И надо ль говорить,
Когда уймет тебя Аллах, коль будем живы,
Хвалы Ему какие станем возносить!
Вот вихрь снег сорвал с горы, как покрывало,
Вскружил, смешал со снегом неба и понес!..
Овец, прибитых вьюгой, кто-то запоздалый
В сугробах дымных гонит. Конь под ним усталый
Едва бредет, навстречу вьюге шею клонит,
И сам вот упадет, и седока уронит.
А тот, в тулупах, сам уж клонится с седла,
От снега с ветром сам без сил лицо воротит.
И снова слышен вой. Пока не пала мгла,
Очнись, очнись, чабан! Гони, спеши домой!
Там ждет овец кошары сонное тепло,
Там ждут тебя. Молись, молись, чтоб повезло!
Буран, буран, седой буян, свирепый, злой,
Хоть и устроил той, смешав с землею небо,
Придет и добрый день. Чудесною порой
Пушистый ляжет снег, сверкающий искрой,
Играя, высыпят детишки в степь, и где бы
Степной аул ни спал, малиновой зарей
Там возвестит петух в окраске огневой,
Что день пришел, что мир вокруг, простор, покой.

